

Интервью с Ростиславом Вадимовичем КОНОНЕНКО

«ЭТНОГРАФИЯ, ФОЛЬКЛОР СТАЛИ МОЕЙ ЖИЗНЬЮ...»

Кононенко Р.В. — окончил кафедру социальной антропологии и социальной работы Саратовского государственного технического университета (2007 г.); кандидат социологических наук (2010 г.). Старший преподаватель факультета социальных наук Высшей школы экономики. Основные области исследования: автомобильность, профессионализация, социальная работа, национальная культура. Интервью состоялось: сентябрь 2014 г. — январь 2015 г..

Уверен, если бы мне не нравилось начинать каждую новую беседу и если бы я не испытывал радости-грусти, завершая очередной разговор «за жизнь и за профессию», то я не смог бы заниматься интервьюированием моих коллег десять лет. Каждая новая беседа — это новое знакомство с человеком, которого ранее знал меньше, более поверхностно или вовсе не знал. Завершение интервью — это радость, поскольку сделано дело. Иногда оно длилось годами, чаще — месяцами, бывало — неделями, но случалось и совсем быстро — два дня. Однако это и грусть; завершается разговор с человеком, который доверил мне очень многое — рассказ о себе, свою биографию. Конечно, он сам решал, что и как сказать, но ведь именно я моими вопросами заставлял его ворошить свое прошлое, просеивать его, делать его публичным. Позади — без малого 100 интервью, сотня встреч и столько же прощаний...

Беседа с Ростиславом Вадимовичем Кононенко началась в конце августа 2014 года, и у меня были основания предполагать, что пройдет она быстро. Но не получилось, наш разговор — конечно, с перерывами — продолжался пять месяцев. Во временном отношении — это совсем не долго, но неожиданно для меня этот период оказался значительным в пространстве развития данного историко-наукоедческого проекта.

Во-первых, тогда, после достаточно серьезных рассуждений я решился на проведение интервью с социологами седьмого поколения, теми, кто родился в интервале между 1983 и 1994 годами; сейчас, в начале февраля 2015 года, у меня уже шесть, включая и беседу с Ростиславом Кононенко, завершенных бесед с представителями данной когорты. Немного, тем не менее, уже это позволяет сформулировать некоторые гипотезы относительно путей вхождения в социологию социологов данного поколения и его функций как научного сообщества в целом.

Во-вторых, в тот момент, когда я обращался к Ростиславу с просьбой рассказать о своей жизни и работе, у меня было 64 законченных интервью, и я не думал о скором завершении процесса интервьюирования. Но осень-начало зимы 2014 года оказались настолько урожайными, что на исходе года достижение еще недавно мифических – «100 интервью» стало реальностью.

В силу указанных двух обстоятельств принципиально прояснилось общее направление дальнейших исследований – рассмотрение истории советской / российской социологии как процесса становления и смены поколений социологов. Таким образом, поколенческая типология нашего профессионального сообщества, введенная мною ряд лет назад как инструмент упорядочения накапливавшегося массива биографий, приобрела важное общеметодологическое значение. Соответственно, центральным направлением будущей аналитической, исследовательской деятельности является изучение всех сторон строения социологических поколений и каналов, способов взаимодействия между ними.

Безусловно, не первостепенной и не важнейшей, но привлекательной в науковедческом отношении является задача появления в нашем цехе социологических династий, или преемственности профессии «социолог» внутри семьи. Материалы настоящего проекта http://www.socioprognoz.ru/index.php?page_id=207 уже сейчас позволяют подойти к обсуждению этого явления, этой тенденции.

В собранной коллекции есть интервью с В. А. Ядовым и его сыном Н. В. Ядовым, к тому же есть в воспоминания Владимира Александровича о его покойной жене Л. Н. Лесохиной; есть портреты А. Г. Здравомыслова и его дочери Е. А. Здравомысловой, здесь же – интервью с ее мужем В. М. Воронковым. Есть беседа с А. В. Дмитриевой и, надеюсь, вскоре завершится интервью с ее мамой И. А. Григорьевой. Недавно проведено интервью с В. В. Гаврилюк, и скоро к нему присоединится рассказ ее дочери Т. В. Гаврилюк.

Мне также известно, что по стопам значительной части социологов, портреты которых представлены в нашей галерее, пошли их дети. Среди них: Е. И. Башкирова, Ю. Р. Вишневицкий, Р. С. Могилевский, Г. В. Осипов, Г. И. Саганенко, Б. Г. Тукумцев, Ф. Э. Шереги. Есть здесь и фотография Ф. Р. Филиппова, о его жизни и работе рассказал сын – А. Ф. Филиппов.

Но вот самый интересный и пока уникальный случай. Подряд две фотографии, мать и дочь – В. Н. Ярская-Смирнова и Е. Р. Ярская-Смирнова, в другой части галереи портрет ее покойного мужа П. В. Романова и на следующей фотографии его дочь – Е. П. Романова. И, наконец, интервью с сыном Е. Р. Ярской-Смирновой, Ростиславом Кононенко. Старшими в этой трехпоколенной социологической семье уже внесены значительный вклад в исследование ряда теоретических и прикладных задач, а также – в подготовку социологических кадров. Младшие – следуют этим путем.

Кононенко Р. В.: «Этнография, фольклор стали моей жизнью...»

Ростислав, можно сказать, что Ваше имя – семейное, на это указывает отчество Вашей мамы – Елены Ростиславовны Ярской-Смирновой. Вы не знаете, каково происхождение этого имени? Интервью с Вашими мамой и бабушкой – Валентиной Николаевной Ярской-Смирновой дают представление об одной (материнской) линии Вашей предбиогрфии. Что Вы знаете об отцовской семье?

Назвали меня в честь моего деда, Ростислава Дмитриевича Ярского-Смирнова – отца моей мамы. Он потомственный актер, сейчас живет в Краснодаре, играет в краевом драматическом театре. Я застал его уже именно в Краснодаре, он живет там со своей семьей, а мужа Валентины Николаевны зовут Маврин Константин Алексеевич. Он профессор, доктор геолого-минералогических наук. Вплоть до моего окончания университета, мы очень много времени проводили вместе именно с ним: я по возможности ездил с ним в экспедиции на Урал и по Саратовской области, мы вместе строили дачу и ухаживали за садом, обслуживали автомобиль. У деда Константина я научился работать руками со стройматериалами и заниматься на земле. Правда, конечно, его уровня я не достиг еще пока.

Отец мой – Кононенко Вадим Юрьевич – программист по профессии, живет в Саратове. Они с мамой давно в разводе, но мы постоянно общаемся как с ним, так и со многими родственниками с его стороны.

Папа родился в Саратове в семье инженеров-железнодорожников, Юрия Владимировича и Раисы Петровны Кононенко. Из-за профессии моих деда и бабушки и из-за того, что они жили вблизи железнодорожного вокзала, да и из-за частых путешествий на поезде, я подумывал о такой же карьере. Но бабушка Раиса меня отговорила тогда.

Профессия программиста меня не привлекала, так как на информатике в школе я никогда не был в числе первых, компьютеры не увлекали меня, и я считал, что это не мое. Поэтому я думал о других профессиях.

Родители оба, – и папа, и мама, – будучи по базовой специальности математиками, занимались фольклором: во времена студенческие и после окончания университета, в свободное от работы время ездили в экспедиции, записывали песни, изучали традиции – и участвовали в фольклорном ансамбле этнографического направления. Мама одно время руководила такими ансамблями, – детским – «Добрыня» и взрослым, который назывался «Оберег». Конечно, с родителями занимался и я. Этнография, фольклор стали моей жизнью, мне нравились эти песни, нравилось вращаться в кругах фольклористов, петь, общаться, участвовать в фестивалях, обладать знаниями о традиционной культуре. У нас сохранились фотографии, где я трехлетним ребенком отплясываю с мамой на фольклорном празднике, на улице. Так с малых лет я не боялся выступать на публике, что очень пригодилось мне в дальнейшей учебе и работе.

А после школы, в начале 2000-х, когда встала проблема выбора профессии, я ориентировался именно на сферу фольклора, этнографии. Но не в музыкальном плане, а именно в культурном. Кроме того, я иногда принимал участие в жизни кафедры, где работали Елена Ростиславовна, Павел Васильевич Романов и Валентина Николаевна Ярская, уже знал многих их коллег, помогал волонтером на научных мероприятиях и даже делал переводы текстов с английского на русский. Поэтому было принято решение, что я пойду на кафедру социальной антропологии и социальной работы в Саратовском государственном техническом университете. Уже во время обучения для меня открылось все разнообразие современного, социологического видения этнографии как подхода к изучению не только и не столько разных народов, сколько повседневности разнообразных сообществ и групп.

Меня вдохновляли и мама, и бабушка Валентина, и Павел. Особенно я признателен Павлу за то, что во время переломного момента после окончания университета он дал мне стимул для продолжения карьеры социолога. А еще раньше, когда мы познакомились, то много ездили — на летние школы, на Грушинский фестиваль, в Америку, где прожили почти год, — много интересных приключений и сложных испытаний пройдено вместе. Я думаю, Павел повлиял на меня как учитель и как наставник — и в карьере, и в семье, я всегда мог обратиться к нему за советом или посмотреть на его пример. Я очень ему благодарен...

Получив специальность на нашей кафедре, я стал социальным антропологом и направление моей карьеры повернулось в сторону качественных социологических исследований.

Вы хорошо написали, подсказали, о чем спрашивать. Давайте немного вернемся к школьным годам. Вы пошли в школу году в 93-ем или 94-ом, заканчивали в начале нового столетия. Вашим главным увлечением была фольклористика, а к каким школьным предметам душа лежала? Это была специальная школа, лицей, гимназия? Пионерии, комсомола уже не было, но какие-то формы общественной деятельности существовали?

В школу я пошел в 1992 году, закончил в 2002-ом. Да, еще до поступления в общеобразовательную школу, в 1990 году меня приняли в музыкальную школу в подготовительный класс на специальность «скрипка».

До седьмого класса я учился в школе-лицее №37 города Саратова, в «лицейском» классе с углубленным изучением немецкого языка. После седьмого класса нас перераспределяли по трем направлениям, — гуманитарный, физико-математический и естественно-математический классы. К этому времени любимыми предметами для меня стали география, история, обществознание. Была очень интересна физика, учителей по этому предмету я всегда слушал с открытым ртом, но не чувствовал себя полностью уверенно в этой дисциплине. Поэтому к восьмому классу я официально выбрал гуманитарное направление. Правда, учился потом уже в других школах, по ряду причин. После 37-й школы был Гуманитарно-экономический лицей, а окончил я гимназию №3 города Саратова, больше известную как «английская» школа №42. Но и в ней я учился в классе гуманитарного направления и своим предпочтениям в предметах не изменил. К истории я тяготел еще больше, чему способствовала наш любимый учитель,

Светлана Михайловна. Этот предмет она давала нам очень широко, читая расширенные, объемные и содержательные лекции и проводя семинары, — почти как в университете. Она же вела у меня и обществознание в старших классах.

Кроме того, в школе, особенно в старших классах, мне нравились иностранные языки. В 3-й гимназии (бывшая «английская школа» №42) мы изучали два языка, в моем случае — обязательный английский и, по выбору, немецкий. Плюс, были еще такие предметы, как «технический перевод» и «английская литература», которые давали опыт в работе с иностранными текстами. По окончании школы мы получили диплом переводчика научно-технической литературы.

Общественной деятельностью в школе я не занимался. Только выступал на музыкальных конкурсах от школ.

Параллельно со школой основной, я ходил в школу музыкальную — учился играть на скрипке. Потрясающий педагог Светлана Дмитриевна Желтко не только учила нас музыке, но и спланировала в команду, привлекая к участию в новогодних постановках, давая ученикам уже в детстве бесценный опыт сцены. На сцене мы играли на музыкальных инструментах и пели, разыгрывали постановки, которые сочиняла Светлана Дмитриевна. ...

Итак, школа завершена, не посещали ли Вас раздумья, верно ли делаю, что поступаю на кафедру социальной антропологии и социальной работы в Саратовском государственном техническом университете, не поехать ли в Москву? Подальше от родительского ока? Поясните пожалуйста, что такое «социальная антропология» и «социальная работа».

Социальная работа — дисциплина, ответственная за разработку помощи нуждающимся — людям с ограниченными возможностями, бедным, людям с отклонениями в психическом или физическом здоровье и всем тем, кому нужна помощь или поддержка, или как сейчас говорят, «социальные услуги». Социальная работа направлена на позитивные социальные изменения, поэтому она связана с социальной политикой, предполагает отстаивание прав и объединение людей для взаимопомощи. Эта специальность и ценностная система, философия, которой был пропитан дух кафедры, когда я там учился. Собственно, саратовская кафедра во многом остается такой и сейчас. Когда я был еще в школе, дома я часто слышал об этой специальности и всегда знал, что это доброе, новое и важное дело.

А социальная антропология — это дисциплина, изучающая человека в разных культурных контекстах. Наука эта тесно связана с социологией и этнографией и послужила мостиком от увлечения фольклором к моей нынешней профессии.

Уехать я не хотел никогда, Москва мне никогда особо не нравилась, об отъезде в другие города я и не думал, так как Саратов богат вузами. Сейчас я Москву люблю за тех коллег и друзей, что я здесь встретил, столица уже ассоциируется с интересной работой, которой я горжусь, с моей семьей, приятными моментами свободного времени, Москва стала своей.

Во время обучения в университете я ездил в Великобританию на год, в университет Бирмингема в департамент социологии, и потом с удовольствием вернулся домой на родную кафедру. В Бирмингеме я провел год, обучаясь на программах «Социология» и «Африкановедение» как наиболее близких к соци-

альной антропологии. Так Бирмингемский университет подстроился под мою специальность: социология+этнография. На социологии я что-то повторил, а что-то заново освоил, а на африкановедении узнал много интересного и специфического из культуры и литературы Африки, читал классиков антропологии и современную литературу на английском, писал рефераты и делал доклады. Были у нас и совместные работы с другими студентами, например, о культуре сигхов. И в моей повседневной жизни в течение года в Бирмингеме я многое для себя открыл. Это и студенческая независимая жизнь в общежитии, и мультикультурная социальная среда, и серьезная учебная нагрузка с большим объемом материала для прочтения и письменными заданиями. В Саратове у нас тоже была похожая система – нужно было много читать и писать массу эссе. Но в Англии пришлось работать еще интенсивнее.

Но это было уже потом, когда я проучился в Саратове на специальности «Социальная антропология» пару лет, а тогда, после школы, раздумывая при выборе вуза и специальности были, конечно, но все сводились к тому, что этот вариант оптимальный. Сейчас можно было бы подать документы в несколько вузов и несколько специальностей, а тогда это было невозможно, и я сделал один выбор. Я ожидал, что учеба по этой программе будет интересной, но меня по-настоящему захватили некоторые предметы – конечно же, занятия по специальности – социальной антропологии (преподаватели Галина Карпова, которая давала нам азы нашей специальности, Вадим Михайлин, преподававший социальную антропологию на материалах античных текстов), смежные предметы – медицинская антропология и география Дмитрия Михеля, психология Олега Ежова и Анжелы Чернецкой и социально-психологическое моделирование Нины Григорьевой. Посчастливилось мне учиться и у Павла Романова, на его курсах по организационной и экономической антропологии. Позже я был также и ассистентом Павла в Вышке на его курсе по корпоративной социальной политике, учился у него преподаванию. Он был очень интересный ученый и преподаватель. На своих занятиях Павел Васильевич всегда заинтересовывал студентов и вовлекал их в дискуссии, в научный процесс, он задействовал и тексты классиков, и фильмы, и эмпирику, приглашал гостей из той сферы, которой посвящался курс.

А в Саратове на социальной антропологии было еще важно то, что кроме занятий в аудитории, у нас была полевая практика в деревне, в городе, а также желающие работали в Центре социальной политики и гендерных исследований на опросах и интервью. Это была хорошая школа. Я был подготовлен и к учебе в Бирмингеме, и к последующей работе в маркетинге, и к поступлению в аспирантуру.

Однако был готов я и к тому, что работать придется не по специальности из-за небольшой востребованности профессии. Хотя сейчас я вижу довольно интересные возможности для самореализации социолога и социального антрополога и в родном Саратове, куда очень хочу когда-нибудь вернуться: это и работа в университете, и в школе, и в музеях. Но пока остаюсь в Москве, в «Вышке».

В 2007 году Вы закончили университет. Какие пути открывались перед Вами, что Вы избрали?

Да, это был 2007 год. Я собирался поступать в аспирантуру, но был на распутии — остаться в Саратове или ехать в Москву. Выбрал — ехать в Москву в ВШЭ, и был доволен, что получилось туда поступить, ведь экзамены принимали очень жестко, и конкурс был высоким. Я собирался выучиться в аспирантуре, защититься, а одновременно найти работу в Москве, желательно ближе к специальности, чтобы потом со степенью кандидата и с московским опытом работы вернуться в Саратов в 2010 году. Однако получилось не совсем так: в 2010 году я остался в Москве по личным причинам и через год женился.

Пока учился в аспирантуре, в течение года работал в одной маркетинговой компании, где занимался качественными исследованиями, в том числе, в сфере автомобильного рынка. Это позволило набраться полевого опыта и получить необходимые данные для диссертации. Был еще опыт подработки в страховой компании, в самом начале моего московского пути. После защиты диссертации в 2010 году мне пришлось еще год поработать в другой маркетинговой фирме, параллельно с работой в университете: на кафедре было всего 0,25 ставки, приходилось крутиться. Но в 2011 году я уже смог устроиться в НИУ ВШЭ на полную ставку, чему я был очень рад, так как финансовая ситуация позволила оставить работу в коммерции и полностью переключиться на академическую деятельность. Кроме того, я полюбил преподавательскую деятельность. Я веду курсы по общей социологии у студентов различных направлений, и мне импонирует их заинтересованность, позитивная ответная реакция. Нередко мне удается вовлечь студентов в обсуждение актуальных проблем нашего общества, при этом они не просто формально выполняют задание, а включаются в творческую работу.

Все это было совсем недавно. Чему было посвящено Ваше кандидатское исследование? Пожалуйста, поподробнее о проблематике, методах сбора и анализа данных, самые общие выводы.

Мое исследование было продолжением работы над дипломом: писал я, в обоих случаях, об автомобильной культуре. Моя диссертация посвящена автомобилизации российского общества и раскрывает как ценностные характеристики социальных взаимодействий на уровне общества в целом, так и культурные аспекты на микроуровне — в повседневности автомобилистов. В своей работе я рассматривал автомобильное потребление, меня интересовало, каким образом материальные объекты, вещи в жизни человека существенно дополняют, а подчас даже заменяют контакты с другими людьми, группами и сообществами. Один из таких объектов — автомобиль. На материалах интервью, интернет-дискуссий, наблюдения и анализа данных массового опроса я анализировал те новые смыслы и символы, ценности и нормы, которые привносит в жизнь людей автомобилизация, те новые практики, которые она порождает. Такие исследования за рубежом проводил, например, Джон Урри, основы советской социальной истории автомобильности заложил своей книгой Льюис Зигельбаум, но современную российскую ситуацию никто в комплексе не рассматривал. Я изучал, как использование транспортных средств и сопутствующих элементов инфраструктуры, товаров и услуг меняет наши каждодневные привычки и социальные отношения. Речь идет о новых ощущениях и смыслах времени и пространства, об идеалах частной собственности, эмансипации и личной свободы. Тут меня

интересовали и гендерные аспекты автомобильности — причем как в советской истории, так и в современности. Получается, что автомобиль становится частью социальных изменений на разных уровнях социальных взаимодействий: одновременно расширяет и ограничивает то, что мы можем делать; меняет то, кем мы себя считаем. Автомобиль может быть фактором риска, знаком достижения или упадка, т.к. он маркирует социальный статус своего владельца и нередко становится средством самовыражения.

После защиты кандидатской я решил немного поменять фокус моих исследований. Хотелось чего-то нового и более актуального, на мой взгляд, на то время. И опять новый поворот был тесно связан с моей биографией. Еще с детства я занимался этнографическим фольклором, и проявление этого рода деятельности заинтересовало меня как социолога. С одной стороны, вести такую тему было легко и интересно, так как довольно хорошо разбираешься в предмете, а с другой стороны, тяжело переживаешь смену своего статуса и социальной роли по отношению к участникам фольклорного движения. Постоянно ощущаются этические дилеммы, нередко могут возникать и ролевые конфликты. Здесь необходимо прочувствовать и отрефлексировать этнографическую дистанцию, но это не одномоментный акт, а перманентный процесс, неотъемлемая часть качественного исследования.

В моих последующих работах народная культура рассматривается как многозначный феномен, который представляет собой поле властных отношений. «Народная культура» — это символический конструкт, который может использоваться в целях интеграции, а может выступать контраргументом социальной и политической идентификации. На материалах интервью с народными исполнителями и экспертами-фольклористами я рассматриваю, например, такие аспекты, как коммодификация фольклора (превращение в рыночный товар) и профессионализация народных исполнителей.

На почве своего увлечения фольклором я познакомился и со своей женой Ириной, которая является активным участником фольклорного движения, прекрасным организатором этнокультурных мероприятий. В 2010 году она поступила в магистратуру Центра типологии и семиотики фольклора Российского государственного гуманитарного университета и сейчас занимается исследованиями по тематике, которая мне тоже близка. Но сейчас мы оба немного снизили научную активность, так как воспитываем малыша и вплотную занимаемся жилищным вопросом.

Еще одно направление моих исследований обусловлено опытом обучения на саратовской кафедре социальной антропологии и социальной работы. Будучи студентами-антропологами, мы всегда были в курсе тематики параллельной специальности — социальной работы. Например, когда я примерно определился с направлением своего диплома специалиста, первая моя курсовая работа была посвящена теме на стыке социальной работы и антропологии: доступности и роли автомобилей в повседневной жизни людей с ограниченными возможностями. Проблематика социальной работы и социальной политики была мне близка еще и потому, что я сотрудничал с Центром социальной политики и гендерных исследований: участвовал как волонтер и как слушатель в летних школах, конференциях, был членом научных проектов. Цель нынешнего исследования, в котором я участвую с 2012 года, — рассмотреть становление новой помогающей

профессии в конфессиональной среде на примере социальной работы на приходе православного храма. В рамках проекта на материалах качественных интервью с социальными работниками РПЦ в разных регионах России мы с коллегами изучаем становление нового вида занятости, свойственные ему противоречия, особенности профессиональной культуры. В развитии приходской социальной работы как профессиональной деятельности я вижу несколько дилемм, или противоречий. Они отражают особенности современного контекста, в том числе, идеологию государственной социальной политики и уровень социальной защищенности граждан, статус социальной работы как профессии в российском обществе, характер взаимоотношений государства и церкви.

Среди названных противоречий отмечу и такое. С одной стороны, социальная работа может быть отнесена к профанному, поскольку наполнена мирским содержанием. С другой стороны, социальная работа и социальная деятельность на приходе должна помогать прихожанам проявлять свой христианский долг, а тем самым спланировать сообщество. Следовательно, необходимо уточнить разделение труда между социальным работником и священнослужителем, однако, социальная работа неизбежно будет находиться в промежуточном пространстве между мирским и сакральным. Это, на мой взгляд, не только дилемма, но важный ресурс развития профессии. Вторая дилемма свойственна не только приходской социальной работе, а и другим помогающим профессиям, которые многие воспринимают как долг, душевный порыв, призвание, что входит в противоречие с разнообразными формальными требованиями. Конечно, формализации в социальной работе на приходе меньше, чем в муниципальной социальной службе. И все же, религиозная мораль сталкивается и переплетается с современными неолиберальными установками, например, в отношении контроля «нуждаемости». Эти и другие противоречия отражают сложность профессионализации социальной работы и особенности взаимоотношений между церковью, государством и гражданами на современном этапе.

Вообще говоря, в молодые годы работа по широкой предметной области — очень полезна, Вам открываются разные грани и пласты социальных отношений, Вы осваиваете разные методы, расширяется Ваше методологическое видение. И все же, Вы видите какую-либо проблематику, которой хотелось бы заниматься целенаправленно, несколько лет?

Такой проблематикой всегда остается помогающая профессия и все, что с ней связано: социальная работа, социальная политика. Кроме того, актуальной, на мой взгляд, является культурная политика государства и эволюция культуры в обществе. В связи с этим я пишу о фольклорном движении и его отношениях с обществом и государственными институтами. То, что объединяет интересующие меня темы, находится в предметной области, которую можно было бы назвать «Культура: традиции и модернизация». Я думаю, что исследование бытования элементов национальной культуры в современной российской повседневности — очень актуальная тема, она связана и с темой сплоченности, над которой мы сейчас с коллегами работаем в рамках одного из проектов. России нужна эта тема для поиска идентичности и для эффективного, но аккуратного ее использования.

То, что я перешел от автомобильности к социальной работе и фольклору, кажется некоторым коллегам чем-то странным и неожиданным. Но это далеко не редкая ситуация в социальных науках. Например, известный американский историк Льюис Зигельбаум в начале 90-х издал книгу об инвалидах в СССР (выступил ее редактором), потом в 2000-х написал монографию о советской автомобилизации, а вот только что вышел его совместный с супругой (она тоже историк) труд о миграции в России в XX в. Другой хорошо известный мне американский историк, наш друг профессор Дон Рали — исследователь российской истории, и в частности, знаток и автор книг о революции и гражданской войне в Саратове, недавно написал книгу беби-бумерах, представителях так называемого поколения «спутника». Так что, смена темы — это вполне принятая практика, тем более, что в моем «арсенале» — исследовательские темы, которые столь интересным образом связаны между собой.

Ростислав, волей судьбы Вы — член уникальной в нашей российской социологии семьи. Ваша бабушка — профессор социологии Валентина Николаевна Ярская-Смирнова, мама — профессор социологии Елена Ростиславовна Ярская-Смирнова. На Ваше формирование как социолога не мог не оказать сильное влияния мамин муж Романов Павел Васильевич, тоже профессор социологии, дочь которого — Евдокия Романова становится российско-американским социологом. Получается, что можно говорить о «клане» Ярских-Романовых. Не могли бы Вы провести микро исследование и оценить общий вклад Вашей семьи в российскую социологию? В частности: какая совокупная предметная область разрабатывалась и разрабатывается кланом, сколько опубликовано книг, каков общий преподавательский стаж, сколько учеников членов семьи защитили кандидатские и докторские диссертации? Это может быть не только интересно для Вашей семьи, но представлять историко-научное значение.

Спасибо, за этот вопрос. Общая совокупность тем, которыми постоянно занимаются члены нашей семьи, — это социальное неравенство, социальная политика, профессии, нетипичность, социальная работа.

Любопытный вопрос об общем преподавательском стаже. Если Вы имеете ввиду с какого года преподает Валентина Николаевна? Она начала преподавательскую деятельность примерно 50 лет назад. Елена Ростиславовна — около 30. Павел Васильевич преподавал примерно с начала 1990-х, то есть, около 22 лет, а активная его преподавательская деятельность началась с 1999 года. Я же начал преподавать, будучи в аспирантуре, в начале 2008 года.

Общее количество публикаций членов нашей семьи — всего более пятиста, из них авторских — около двадцати, а книг, вышедших под редакцией — около пятидесяти.

Наверное, это не так уж и много. Но можно ли в «цифрах» представить этот вклад? Ведь иногда только одна книга или даже одна статья может повести за собой целые когорты исследователей. Тут, наверное, надо изучать аудитории этих книг, куда входят ученики, последователи, коллеги, которые разделяют и продолжают развивать накопленный потенциал. Наверное, плечи тех гигантов, на которых мы все стоим и растем, укрепляются и прирастают при этом.